

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // *Диаспоры*. — 1999. — № 1. — С. 24–33.
2. Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии. 2011. URL: http://archipelag.ru/ru_mir/gm-diaspor/proposition/diatlov/ (дата обращения: 14.02.2011).
3. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в.: автореф. ... д-ра ист. наук. — М., 2007. — 45 с.
4. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // *Диаспоры*. — 2003. — № 1. — С. 162–184.
5. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // *Диаспоры*. — 2004. — № 4. — С. 138–162.
6. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // *Этнографическое обозрение*. — 2000. — № 2. — С. 47–48.
7. Семенов Ю. Этнос, нация, диаспора // *Этнографическое обозрение*. — 2000. — № 2. — С. 71.
8. Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // *Этнографическое обозрение*. — М., 2000. — № 2. — С. 76.
9. Нанзатов Б.З., Николаева Д.А., Содномпилова М.М., Шагланова О.А. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. — М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2008. — С. 214–218.
10. Балдано М., Дятлов В. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*. — 2007. — № 6. — С. 181–182.
11. Шмыт З. Между Забайкалем и Хулун-Буйром. Миграционные практики шэнэхэнских бурят // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сб. научных статей*. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. — С. 291.
12. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. — М.: Наука, 2004. — С. 563.

Поступила 14.02.2011 г.

УДК 316.7

СУБЪЕКТ И ЭТНИЧНОСТЬ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ИНТЕРАКЦИОНИЗМЕ

Д.Ц. Боронова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
E-mail: boronova@mail.ru

Рассмотрена проблема «этнос и личность» сквозь призму методологического подхода, предложенного символическим интеракционизмом. Обозначены перспективы применения методологии и методов этого направления в современных исследованиях этнических проблем.

Ключевые слова:

Социальный мир, интеракция, интерпретация, субъект как социальный актор, этничность, примордиализм, конструктивизм.

Key words:

Social reality, interaction, interpretation, subject as social actor, ethnicity, primordialism, constructivism.

Символический интеракционизм, основы которого были заложены творчеством У. Джеймса, Дж. Дьюи, Ч.Х. Кули и в особенности Дж.Г. Мида, акцентирует внимание на символической природе социального поведения и формирования разнообразных культур, семиотической взаимосвязи личности и социокультурной среды. В качестве основы для трактовки социальной жизни принимается точка зрения субъекта, понимание им ситуации, его способность принимать решения и выражать свои предпочтения. Другими словами, общество для представителей символического интеракционизма «представляет собой реальность субъективного мира людей, разделяемых ими впечатлений. ... Поэтому изучение объективности общества должно быть подчинено изучению субъективных описаний и интерпретаций ситуаций взаимодействия, условий и способов их соединения — объективации субъективных миров действующих индивидов» [1]. Представляя наряду с феноменологией и этнометодологией направление, ориентированное в анализе коллективного действия на социального актора и его оценку ситуации, символический

интеракционизм имеет свое поле применения в современных исследованиях этнических проблем.

Подход к анализу этничности с позиций данного направления основан на учете исторического развития, и роли случайности в этом процессе, что способствует исследованию этнических отношений в контексте исторического и социального окружения и культурных характеристик группы. В связи с этим ключевыми методами символического интеракционизма являются социологическая этнография и анализ человеческих документов (*human documents*). Социологическая этнография базируется на эмпирическом описании опыта индивида или социальной группы, находящихся в конкретно-историческом контексте, и включает протокольное фиксирование деятельности, мировосприятия и бытующих артефактов.

Последнее диктует необходимость проведения полевой работы и включенного наблюдения для получения данных «из первых рук», непосредственно из межличностной среды. Г. Блумер — авторитетный представитель этой теории, благодаря которому был введен в научный оборот неологизм

«символический интеракционизм», писал, что «в коллективной жизни человеческих существ наблюдается постоянная тенденция к созданию отдельных миров... на основе различных жизненных ситуаций и концепций управления этими ситуациями» и для познания групповой жизни исследователь «должен знать эти миры, которые есть у каждого, и пристально их изучать» [2].

Человеческие документы — автобиографии, биографии, письма, воспоминания, личные документы, газетные материалы и т. д. — представляют для символического интеракционизма другой важный источник и способ получения информации о прошлом опыте индивида и истории группы, которые оказывают влияние на настоящее, на субъективную жизнь индивида и конкретные наличные ситуации. Использование методов социологической этнографии и анализ человеческих документов позволяют исследователям получить адекватные представления о реальных способах, которые используются индивидом как социальным актором для своего определения и категоризации других, о причинах того или иного варианта поведения в процессах интеракции, об источниках субъективных образов, которыми располагают отдельные индивиды или группы, дают возможность учитывать точку зрения актора и говорить от его имени.

Основное достоинство этих методов, по мнению Э. Берджесса, заключается в способности раскрыть внутренний мир человека, его вожеления, страхи и надежды. Эти методы раскрывают картину взаимосвязей ментальных процессов и социальных отношений [3]. В целом для символического интеракционизма характерно сочетание уникальных черт американского прагматизма и социологической интерпретации экологических (связанных с отношениями «человек — окружение») и антропологических методов.

Концепты и методы этого теоретико-методологического направления в свое время использовались для анализа этнических и расовых проблем, возникших в среде иммигрантов из Азии и Европы, а также из южных штатов, населявших зону Чикаго в 1920–1930 гг., этнических колоний, располагавших особой сетью социальных связей и собственными социальными институтами. Основная цель исследований «чикагской школы», руководимых Р. Парком и У. Томасом, заключалась в фиксации и обозначении паттернов коммуникации и социальной дистанции в этнически разнородном городе. Узловые проблемы, обозначенные в этих исследованиях, были следующие: социальный выбор и предпочтения, групповое включение и исключение, межгрупповые границы, паттерны поселенческой сегрегации, расовый и этнический предрассудок, культурная адаптация, ассимиляция, маргинальная личность.

В исследованиях Р. Парка, Т. Знанецкого и Л. Вирта был установлен любопытный факт из жизни иммигрантских общин: за пределами своих этнических групп лучше других устраивались

те, чьи сообщества оказывали материальную и моральную помощь: трудоустройстве, обеспечении жильем, получении образования, обрядово-ритуальной жизни и т. д. Моральная поддержка заключалась также и в том, что иммигрантские организации старались повысить статус и престиж группы как целостного образования, что было связано с выявленным Р. Парком и У. Томасом распространенным представлением о том, что индивиды не станут уважать до тех пор, пока не будут уважать группу, к которой он принадлежит.

Внимание, обращенное на данное обстоятельство, позволило известной исследовательнице символического интеракционизма Б. Лал сформулировать в работе «The Romance of Culture in an Urban Civilization: Robert E. Park on Race and Ethnic Relations in Cities» понятие «этнического парадокса», под которым понимается двойственный характер функционирования этнических групп: в политических обществах участие групп в этнических институтах и подчеркивание своих групповых идентичностей одновременно являются стратегическими механизмами, которые обеспечивают максимально полное участие этих групп в экономической, политической и социальной жизни общества и распределении ресурсов, принадлежащих, в первую очередь, доминирующей этнической общности.

Этнический парадокс, по мнению Н.Г. Скворцова, ставит перед исследователями два важных вопроса в контексте активно обсуждаемой в социологии и антропологии проблемы природы этничности. *Первое*: являются ли этнические группы выражением примордиальных привязанностей, базирующихся на реальной или воображаемой общности происхождения, физическом сходстве, разделяемых традициях, религии и языке, или же они представляют собой сообщества, этнические границы которых поддерживаются только с целью монополизировать экономические, социальные и политические ресурсы? *Второе*: если принять во внимание, что этнические группы обеспечивают своих членов различным «культурным капиталом», то зависят ли жизненные шансы каждой группы от тех взглядов и ценностей, которые она исповедует (как и от степени ее организованности или дезорганизованности), или же от степени дискриминации, эксплуатации и угнетения, которым она подвергается? [4]. Предпримем попытку обозначить позиции символического интеракционизма относительно лишь первого вопроса в рамках основных подходов к анализу феномена этничности — примордиалистского и конструктивистского или ситуационного.

С точки зрения примордиализма, этничность трактуется как объективная данность, как изначальная (исконная) характеристика человечества, совершенно не обязательно «идеологизированная» и нацеленная на получение тех или иных выгод. Более того, те элементы культуры, которые даже если и препятствуют достижению экономических

и политических выгод, не могут быть отброшены в силу тесной привязанности индивидов к культурному фону. Примордиалисты подчеркивают в этничности глубокую привязанность людей как реализацию базовой потребности индивидов переживать свою принадлежность к группе. Этническая идентичность в рамках этого подхода понимается как фундаментальная внутренняя тождественность и непрерывность бытия каждого человека, как присущее человеку ощущение себя в качестве члена того или иного этноса (врожденное чувство принадлежности) и носителя той или иной культуры, включающей язык, религию, чувство общности происхождения. Как известно, примордиалистский подход к этничности практически доминировал в мировой науке до 60–70-х гг. XX в. (работы П. Ван ден Берге, Э. Смит, К. Гирц, последние работы Д. Мойнихана), а в отечественной науке был единственным до начала 90-х гг. Наиболее широкое распространение получило определение этноса, предложенное Ю. Бромлеем: этнос «представляет собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающую общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психологии, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [5].

Этносы, возникнув еще в первобытном обществе, консолидируясь и развиваясь, представлены в мировой истории такими типами, как племя, народ, нация. Этнос постигается как устойчивая на протяжении длительного исторического периода общность людей, сохраняющая свои границы, принципы идентификации принадлежащих к ней индивидов и передающая эти принципы из поколения в поколение. К элементам этнической структуры обычно относят родственные группы, устойчивые территориальные общности и т. д. Именно в них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социальные статусы, в целом жизненный опыт индивидов, влияющий на многие аспекты повседневной жизни людей.

Для конструктивистского же подхода к пониманию этничности характерен акцент на процессуальности: этническая идентификация есть процесс, в котором многие индивидуальные характеристики и установки меняются в зависимости от требований ситуации. В целом, как нам видится, для теоретических построений конструктивистов характерно выстраивание следующей логической цепочки: дифференциация культур/оппозиция «мы» — «они» → переживание этнического чувства («мы-чувства») в рамках этнических границ → деятельность элиты (писателей, ученых, политиков) по осмыслению и интерпретации этнической реальности → формулировка элитой этнических представлений и доктрин/идеологии.

Исходным пунктом в этой «цепочке» выступают вполне объективные культурные реалии, конеч-

ным же — феномен сознания группы людей (представления людей об этих культурных реалиях), т. е. конструктивистская мысль движется от материального/объективного к идеальному/субъективному (психологическому). Этнос предстает как идеальная интеллектуальная конструкция, а этничность — как характеристика субъективности, схватывающая ощущения, переживания индивидом своей собственной принадлежности к конкретной этнической группе, восприятие себя как представителя конкретного народа. Потому этническая идентичность в определенных пределах может быть предметом сознательного выбора. Философские основания подобного подхода к этничности лежат в обращении к непосредственному субъективному опыту. Опыт в конструктивистской традиции предстает «как процесс и результат непосредственного восприятия и переживания данности и одновременно как основание и способ «конструирования» реальности (которая сама предстает при этом ничем иным, как только предметом сознания). Опыт неизменно является гранью индивидуального сознания, опыт всегда предстает как уникально пережитое, и в этом плане опыт, безусловно, эмпиричен, чувственен, не структурирован. Опыт постигается мышлением не только как переживание своего я, наблюдение своих внутренних состояний, но и как диалог «я-другой». Для понимания конструктивизма важно учесть, что внимание его сторонников акцентируется на бытии как корреляте опыта и сознания. Этническая идентичность людей реализуется механизмами субъективной и психологической природы, при этом культурные маркеры, обуславливающие и поддерживающие этническую идентификацию, для каждого индивида существуют объективно и носят ситуационный характер [6].

Наиболее авторитетными выразителями идей конструктивизма являются Б. Андерсон, П. Бурдьё, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум. Ф. Барту принадлежит введение понятия «этническая граница». Как показано в его работе «Этнические группы и границы». Социальная организация культурных различий» культурные атрибуты приобретают значение как маркеры этнической идентичности только тогда, когда группа считает их необходимыми или социально эффективными для этих целей. Таким образом, определенные культурные атрибуты (как, например, язык этнической группы) могут варьировать по своей значимости, могут конструироваться и реконструироваться, и даже могут быть отброшены этнической группой в зависимости от ее ситуационных нужд, т. е. набор актуализированной части культурного багажа может меняться, но неизменным остается процесс дихотомизации групп при социальном взаимодействии [7]. На примере пастухов племени Богара и крестьян племени Фур на севере Пакистана Ф. Барт убедительно представил картину перехода людей из одной этнической группы в другую, что говорит о подвижности этнических границ и ситуативности этничности.

Ситуативный характер этнической идентичности не означает игнорирования действующих в обществе взглядов, например, инерции восприятия населения страны в ее этнических категориях — устойчивость «онтологических представлений» об этническом в России и в некоторых европейских странах, сохранивших идеологическую преемственность с упражнениями немецкого неоромантизма в духе Гердера на темы *Blut und Boden*, поддерживающихся глубокой институализацией этих представлений. В результате чего мы, по мнению С.В. Соколовского, имеем дело с особой институциональной средой, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной («почвой») и единством («кровью»). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (национальное устройство федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере национальной политики, устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи) как инструмент «овеществления» этнических предрассудков [8]. Необходимо признать, что при всей свободе выбора этнических сообществ, с которым индивид идентифицирует себя, и потенциальной возможности смены этнической принадлежности присутствуют моменты ограничения, а именно единство человека с народом определяется обоюдным актом признания. Иными словами, чтобы быть членом этнической общности, недостаточно осознания своей к ней принадлежности, необходимо и признание индивида группой [6. С. 30].

Согласно Ф. Барту, определение этничности действительно носит диалогический характер: сторонами диалога выступают группа и ее окружение. При групповом определении мы имеем дело с сам-приписыванием (*subscription*) этничности самой общностью, при внешнем (категориальном) определении, когда человек или группа определяет этническую принадлежность другого (других), — с приписыванием (*ascription*) этничности какой-либо общности. Обе стороны оппозиции подразумевают друг друга; социальная идентичность есть результат соединения этих процессов внутреннего и внешнего определения [7. С. 23].

Исходя из вышеизложенного, становится вполне понятно, что установке символического интеракционизма на восприятие и концептуализацию индивида или группы как адекватно реагирующих на ситуацию, ближе конструктивистская парадигма. Сторонники символического интеракционизма полагают, что следствием изменений факторов окружающей среды (например, социальных норм и ограничений, коллективного определение других, преследуемых целей и т. д.) является и изменение функций выполняемых этническими группами. Способность и готовность членов этнических

общностей идентифицировать себя в разное время различным образом есть отражение ситуативного и зависящего от воли индивида характера этнической идентичности и способности индивида реагировать на изменения окружающей среды.

Понятие ситуативной идентичности, построенной на индивидуальном или групповом выборе, связано в символическом интеракционизме с его трактовкой концепта «я» [8. С. 315–316]. Более всего на формирование этого концепта оказали влияние идеи Дж.Г. Мид. Становления «Я» человека, согласно ему, представляет собой процесс «принятия роли другого». На этом пути «Я» человека проходит ряд стадий: «отдельного другого», характеризующейся обобщением в себе поведения конкретного другого человека; «обобщенного другого» — разделением значений определенной группы; «универсального другого» — принятием значений более широких социальных общностей. Таким образом, «Я» в концепции Дж.Г. Мид есть действительно личностная интернализация «обобщенного другого» — социальных привычек широкого сообщества людей. Объем того или другого индивидуального «Я» зависит от количества, разнообразия и широты взаимодействий, в которых участвует данный индивид. Потому структура сформировавшегося «Я» может трактоваться как слепок структуры социального мира. Такое прочтение индивидуального «Я» приводит к необходимости рассматривать поведение индивида как полностью стандартизированное, являющееся выбором между данными «образцами действий». Источник выбора, равно как и способность уклоняться от существующих образцов поведения ускользает от анализа. Эту проблему Дж.Г. Мид разрешает через обращение к рассмотрению внутреннего строения «Я», состоящего из двух подсистем — «I» (автономное образование, отражающее индивидуальность и своеобразие каждого человека) и «Me» (совокупность интернализованных индивидом установок других, социальная сторона «Я»). За выбор той или иной стандартизированной возможности, внесение изменений в структуру взаимодействия отвечает «I» — источник творчества, оригинальности и непосредственности. Взаимодействие двух подсистем «Я» внутри индивида наряду с символическим социальным взаимодействием определяет творение социального мира [9].

Таким образом, методологическая установка символического интеракционизма на субъекта и его ключевые методы анализа этнических феноменов и категорий могут быть плодотворно использованы для того, чтобы адекватно представить этническое пространство через «микроаспекты» социальной жизни, например через выявленные в ходе полевых исследований и включенного наблюдения специфические способы, которые реально используются индивидами и группами для своего коллективного определения и категоризации других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. – СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. – С. 442.
2. Скворцов Н.Г. Индивид и этническая среда: проблема этничности в символическом интеракционизме // Социология и социальная антропология: Межвуз. сб. / под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 308.
3. Баньковская С.П. Эрнест Берджесс // Современная американская социология. – М., 1994. – С. 22–23.
4. Скворцов Н.Г. Индивид и этническая среда: проблема этничности в символическом интеракционизме // Социология и социальная антропология. Межвуз.сб. / под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 314.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – С. 58.
6. Бороноева Д.Ц. Буряты и монгольский мир в контексте идентификационной функции этнонима. – Улан-Удэ, 2007. – С. 17–19.
7. Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). – Улан-Удэ, 2007. – С. 23–24.
8. Соколовский С.В. Перепись 2002 г.: игры по Витгенштейну // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 4. – С. 95–101.

Поступила 14.02.2011 г.